
ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей Священно-церковнослужителей.

(Продолженіе *)

Въ нынѣшнее время, какъ сказано выше, замѣчаются въ Православныхъ преимущественно два недостатка въ отношеніи къ Богослуженію: въ однихъ холодность къ Богослуженію, въ другихъ непониманіе его. И то и другое весьма много вредитъ дѣлу нравственности христіанской и даже дѣлу Православія. Одни, уклоняясь отъ Богослуженія, тѣмъ лишаютъ себя весьма важнаго средства поучаться христіанскимъ истинамъ и христіанской нравственности. Другіе, по недостатку образованія и должнаго вниманія къ службѣ Божіей, также мало получаютъ пользы отъ Богослуженія.

А между тѣмъ Богослуженіе уже и само по себѣ можетъ научить человѣка многому. Оно не есть какое нибудь простое дѣйствіе, при которомъ можно быть и не быть безъ особенной потери и вреда для себя. Нѣтъ, не таково оно по своей сущности, не таково и по намѣренію Богомудрыхъ учредителей и благоукрашителей его. Богослуженіе есть сокращенное изображеніе всего хри-

---

*) См. № 6 Саратов. Епар. Вѣд.

стіанскаго вѣроученія. Это есть священное дѣйствіе, въ
которомъ изображается все Божественное домостроитель-
ство нашего спасенія. Въ службѣ Божіей совершается
союзъ чловѣка съ Богомъ; оно должно поэтому на-
чать, возвышать, приводить чловѣка къ Богу; оно дол-
жно поддерживать и скрѣплять союзъ чловѣка съ Нимъ.
Можно ли по этому считать безвреднымъ отсутствіе отъ
Богослуженія кого—бы то ни было? Православный храмъ
и Богослуженіе въ немъ есть, такъ сказать, видимое
изображеніе Православной Вѣры. Поэтому въ своихъ от-
ношеніяхъ къ храму и Богослуженію совершители онаго
должны наблюдать сколько честь и славу Православія,
столько же и пользу Православныхъ.

Не станемъ много распространяться о достоинствѣ и
важности Богослуженія, о святости этого дѣла. Поду-
маемъ хоть о пользѣ.....

Въ одномъ изъ уважаемыхъ духовныхъ журналовъ не
очень давно было сказано слѣдующее: «не будемъ гово-
рить ни о томъ, какъ естественно для народа мало раз-
витаго умственно, начинать свое религиозное образова-
ніе съ храма, внѣшности и обряда; ибо всякое пости-
женіе сущности предмета начинается съ внѣшняго при-
знака, съ паружной формы. Не распространяемся въ
«разъясненіи того, что усвоеніе религіи чрезъ Богослу-

«жение и обряды не только естественно, но вполне ра-»
«зумно и цѣлесообразно, ибо путь истины чрезъ чув-»
«ства и сердце къ сознанию и разуму гораздо проще,»
«легче и естественнѣе, чѣмъ обратный путь чрезъ созна-»
«ніе и мысль къ сердцу и чувству. Еще менѣе считаемъ»
«нужнымъ доказывать, что Богослуженіе и обряды на-»
«шей Православной церкви, ясно отражая на себѣ догматы»
«и воплощая его въ себѣ, служатъ самымъ лучшимъ сред-»
«ствомъ къ тому, чтобы чрезъ образное представленіе перево-»
«дить въ сознаніе истину, не легко доступную по своей отвле-»
«ченности; что въ области религіознаго познанія таковъ путь»
«имѣетъ еще то особенное преимущество, что, при со-»
«вершенной неистижимости многихъ истинъ для созна-»
«нія, все значеніе ихъ для религіознаго воспитанія осно-»
«вывается на сердечномъ воспріятіи. Все эти истины»
«давно уже и хорошо раскрыты; но.... многіе напада-»
«ютъ на обряды, приписывая имъ то, что они извраща-»
«ютъ пониманіе народа.—Обрядъ самъ по себѣ прекра-»
«сенъ; но когда потеряно его значеніе, не сознавъ его»
«смысла, когда чувство къ нему потеряло свою искрен-»
«ность, тогда и только тогда онъ становится мертвымъ»
«отношенія къ нему—чистою формальностію. Посему за-»
«дачу народнаго воспитанія должно быть не ослабле-»
«ніе въ русскомъ сердцѣ привязанности къ обрядной виѣш-»
«ности, не уничтоженіе обрядности, но—возстановленіе»
«ея въ истинномъ значеніи. Мы вполне согласны, что

«чувство русского народа къ обрядовой сторонѣ Вѣры
«нужно объяснять, вводить въ совнаніе, но совсѣмъ не
«для того, чтобы уничтожить его, а чтобы сдѣлать пра-
«вильнымъ, разумнымъ и еще болѣе крѣпкимъ чувствомъ.
«Нужно раскрыть народу истинный смыслъ и значеніе
«обряда, но совсѣмъ не для того, чтобъ ниспровергнуть
«его, а чтобы поставить въ истинное отношеніе къ сер-
«дечному чувству. Сохранить всю силу и живость преж-
«няго чувства, сдѣлавъ его яснымъ,—вотъ, намъ кажет-
«ся, задача религіознаго воспитанія народа въ отношеніи
«къ обрядовой сторонѣ Вѣры». (*)

А вотъ слова изъ другаго повременнаго изданія: «Одна
«изъ первыхъ и существенныхъ задачъ для приходскихъ
«пастырей, какъ воспитателей народа въ религіозно—нрав-
«ственномъ отношеніи, есть та, чтобы сохранить въ на-
«родѣ всю силу и живость чувства привязанности къ
«обрядовой сторонѣ Вѣры. Въ настоящее время чуждыя
«Православію мысли о значеніи обрядности начинаютъ
«проникать въ народъ и охлаждать въ немъ прежнее чув-
«ство, не замѣняя его правильнымъ пониманіемъ выс-
«шихъ религіозныхъ требованій. Чѣмъ же можно по ддер-
«жать чувство привязанности къ обрядамъ? Стройнымъ,
«благоговѣйнымъ совершеніемъ Богослуженія и собствен-
«нымъ примѣромъ благоговѣнія къ чтимой народомъ

(*) Твор. Св. Отц. 1861 г., кн. III Прибав.

«святинѣ. Пусть народъ въ благолѣпномъ служеніи цер-
«ковномъ находитъ истинную отраду душѣ, не имѣющей
«другихъ средствъ удовлетворить эстетическимъ требова-
«ніямъ своимъ. Пусть и онъ проникнется тѣмъ благого-
«вѣніемъ къ святинѣ, какое онъ прежде всего долженъ
«видѣть въ своихъ пастыряхъ. И тогда у пастыря будетъ
«сильнѣйшее средство и въ поддержанію нравственности
«народа и въ возвышенію его понятій религіозныхъ». (*)

Припомнимъ и слова Святаго Іоанна Златоустаго,
относящіяся къ разсматриваемому нами предмету.» Гос-
«подь соединилъ съ пророчествами мелодію для того, что-
«бы всѣ, увлекаясь плавнымъ теченіемъ стиховъ, съ со-
«вершеннымъ усердіемъ возглашали священныя пѣсно-
«пѣнія. Ничто не возбуждаетъ, не окрыляетъ такъ духа,
«ничто такъ не отрѣшаетъ его отъ земли и узъ тѣлес-
«ныхъ, ничто такъ не наполняетъ любовью къ мудрости
«и равнодушіемъ къ житейскимъ дѣламъ, какъ пѣніе
«стройное, какъ пѣснь священная, сложенная по прави-
«ламъ риѣма. Мы по природѣ любимъ пѣніе и стихи,
«плачущее дитя успокаивается, слушая ихъ; дорожные
«люди, трудясь въ полдень съ рабочими животными, пѣ-
«ніемъ облегчаютъ скуку пути и для себя и для нихъ. Тоже
«дѣлаютъ земледѣльцы, виноградари. Когда слушаютъ
«пѣніе и пѣсни, сноснѣе становится трудъ и работа. И
«такъ, поединку сіе утѣшеніе весьма близко къ природѣ

(*) Домашн. Библія. 1862 г. выд. 7.

10
«нашей: то, дабы диаволь не развращалъ людей сладострастными пѣснями, Господь установилъ пѣніе псалмовъ, дабы изъ этого мы получали и удовольствие и пользу».

Кому же подумать объ этомъ? Кому позаботиться о религиозно-нравственномъ воспитаніи народа, о томъ, чтобы врагъ рода человеческого не развращалъ людей различными соблазнами? Кому позаботиться о томъ, чтобы Православное Христіанское Богослуженіе достигало своей цѣли, приносило Православнымъ пользу? Кому, какъ не пастырямъ церкви и всему причту церковному?

Да, церковный причтъ очень много поможетъ священнику въ религиозно-нравственномъ воспитаніи народа, если будетъ отправлять въ церкви все, что до него касается, во первыхъ, съ должнымъ вниманіемъ, тщаніемъ, благоговѣніемъ. Прежде всего должны они, т. е. причтъ, имѣть въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, — страхъ всегда и вездѣ, особенно въ церкви, предъ алтаремъ Господнимъ, предъ престоломъ Божиимъ. Благоговѣніе въ сердцѣ отразится въ благоговѣйномъ положеніи тѣла, благоговѣйномъ поведеніи ихъ во время Богослуженія. Они до того должны быть проникнуты благоговѣніемъ, чтобы оно отражалось въ ихъ походкѣ, стояніи, глазахъ и въ голосѣ. Пусть языкъ ихъ не будетъ аки кимваль звяцающій; пусть звуки голоса ихъ будутъ звуками сердца, а не гортани только и языка. Если они сами проникнутся содержаніемъ молитвъ, пѣсней церковныхъ, Апостола и т. под., то чтеніе и

пѣніе ихъ не будетъ механическимъ, чѣмъ-то постороннимъ, дѣломъ одного языка, но будетъ дѣломъ сердца, гласомъ души читающаго и поющаго. И пусть будутъ увѣрены чтецы и пѣвцы, что благоговѣніе ихъ сердца, страхъ ихъ души сообщится одному, другому, третьему изъ предстоящихъ, и священный трепеть, пристрашное благоговѣніе объметъ души слушающихъ. Кто идетъ въ церковь, тотъ болѣе или менѣе уже настроенъ—благоговѣно, по крайней мѣрѣ желаетъ, иногда и старается возбудить въ себѣ чувство благоговѣнія: можно ли же оставаться равнодушнымъ къ этому чувству? Не должно ли употребить всѣхъ усилій возгрѣвать это чувство и въ себя и въ другихъ внимательностію къ дѣлу, благоговѣннымъ совершеніемъ онаго? Притчѣ долженъ помнить, что итогъ голоса, и способъ чтенія и пѣнія, каждый шагъ участвующаго въ Богослуженіи можетъ возбудить, поддержать, усилить въ сердцахъ предстоящихъ даръ молитвеннаго расположенія духа, или напротивъ угасить его и произвести въ чловѣкѣ равнодушіе и даже скуку.

За тѣмъ чтеніе и пѣніе должно быть, — да оно и будетъ, если его совершать съ благоговѣніемъ, — должно быть совершенно не слѣшно, ясно, внятно, раздѣльно. Не многія молитвы и пѣснопѣнія извѣстны мірянамъ; большая часть ихъ не извѣстны. Потому, когда читаютъ и поютъ ихъ слѣшно, то только воздухъ бѣютъ. Языкъ церковный и безъ того для многихъ не совсѣмъ понятенъ; а когда при этомъ

еще нельзя разобрать и тѣхъ словъ, которыя удобопонятны для всѣхъ: то выходитъ, что Богослуженіе для большей части присутствующихъ при ономъ совершается какъ-бы на языкѣ иностранномъ, совершенно непонятномъ. Прекрасныя по содержанію и формѣ молитвословія и пѣнопѣнія, произносимыя и поемы на языкѣ Церковно-славянскомъ, могутъ быть понятны и вразумительны, если произносятся не спѣшно, ясно и толково. Если же не такъ: то онѣ дѣлаются непонятными; и предстоящимъ остается или внимать напѣву и извѣтіямъ голоса пѣвца, если они чѣмъ нибудь обращаютъ на себя вниманіе, или же предаваться собственнымъ размышленіямъ. Въ такомъ случаѣ прямо возникаетъ вопросъ: для кого же и для чего поютъ и читаютъ въ церкви? Интересно бы знать: задаютъ ли себѣ когда нибудь подобный вопросъ чтецы и пѣвцы, и если задаютъ, то какъ рѣшаютъ его.

Не слѣдуютъ забывать при этомъ и объ искусствѣ, особенно въ пѣніи. Кому неизвѣстно, что одно и тоже слово, сказанное такъ или иначе, производитъ такое или другое впечатлѣніе? Кто не знаетъ, что одна и та же страница книги, прочитанная болѣе или менѣе искусно, производитъ въ душѣ слушающаго различныя чувствованія, ощущенія? Это можно сказать о сочиненіяхъ всякаго рода, тѣмъ болѣе о молитвословіяхъ церковныхъ. Церковныя молитвословія въ литературномъ отношеніи не только нисколько не ниже самыхъ высокихъ, самыхъ лучшихъ про-

изведеній литературы свѣтской, но даже во многихъ отношеніяхъ выше. Составители церковныхъ службъ были строго разборчивы въ принятіи молитвословій въ составъ службъ. Они требовали, чтобы молитвы и пѣснопѣнія были безукоризненны не только въ догматическомъ, но и въ художественномъ отношеніи. За то едва ли можно найти пѣснопѣіе, которое бы не выдержало самой строгой художественной критики. Возьмите псалмы, какую угодно церковную молитву, церковную пѣснь, -- вездѣ высокая священная поэзія; вездѣ душа молитвенника или пѣснопѣвца возвышается до самыхъ высокихъ степеней святаго вдохновенія. Зачѣмъ же мы будемъ эти молитвы, вылившіяся изъ восторженнаго до небесъ сердца, или погруженной до глубочайшаго смиренія души, растроганной и излившейся въ священныя слова, — эти пѣсни, плодъ небеснаго вдохновенія, за чѣмъ же мы будемъ произносить ихъ съ самымъ прозаическимъ равнодушіемъ? Посмотрите, кто были составители молитвъ и пѣсней церковныхъ: Царь и Пророкъ Давидъ, другіе Пророки Богодухновенные, движимые Духомъ Божіимъ, Симеонъ и Анна, Божія Матерь, Святыя: Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Амвросій Медиоланскій, Романъ Сладкопѣвецъ, Андрей Критскій, Іоаннъ Дамаскинъ-*златая струя*, Косма Маюмскій-*златая лира*, Іосифъ и Теодоръ Студиты, Іосифъ и Теодоръ пѣснописцы, -- люди святыя, почти всѣ получившіе высое свѣтское и духовное образованіе. А мы будемъ чи-

тать и пѣть ихъ творенія съ небреженіемъ и кое-какъ?! — Конечно, много условій нужно, чтобы произносить или пѣть съ должнымъ искусствомъ. Нужно пониманіе искусства; нужно достаточное развитіе ума и сердца; нужны и хорошій органъ произношенія и пѣнія и достаточное развитіе ихъ. Но почему же бы нашимъ чтецамъ и пѣвцамъ не причиты себя по крайней мѣрѣ къ внятному чтенію и стройному пѣнію? Если же они сами не въ состояніи понять этого дѣла и исполнять его, какъ должно; то отчего же не позаботиться объ этомъ священникамъ? Примѣръ такихъ пастырей, какъ святые Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустый и другіе, неужели не въ состояніи побудить ихъ къ подраженію? Какъ выше сказано, эти благочестивые пастыри не только не чуждались благообразнаго искусства при отправленіи Богослуженія, напротивъ вслѣдствіи старались благоукрашать оное. А святой Іоаннъ Дамаскинъ столько сдѣлалъ для Богослуженія въ этомъ отношеніи, что стоитъ только съ оживленнымъ вниманіемъ и чистосердечно исполнять всѣ его учрежденія, чтобы удовлетворить вкусъ каждаго.

Если бы наши чтецы и пѣвцы при чтеніи и пѣніи по болѣе обращали вниманія на содержаніе молитвъ и пѣнопѣній, произносили ихъ внятно и раздѣльно, съ должнымъ благоговѣніемъ; то они скоро приобрѣли бы такое искусство въ отправленіи своей обязанности, что могли бы вставить многихъ полюбить Богослуженіе, чаще хо-

дидь въ храмъ Божій и поучаться тамъ истинамъ христіанскимъ. — Въ такомъ случаѣ Православное Богослуженіе было бы ясною, громкою, понятною, поразительною проповѣдію, — такою проповѣдію, которая дѣйствуя въ одно и то же время на зрѣніе, слухъ, воображеніе, умъ и сердце слушателей, производила бы въ нихъ полное, живое, глубокое, неотразимое впечатлѣніе.

Наконецъ, почему бы священникамъ не взять на себя труда объяснять Богослуженіе со всего обрядностию, храмъ со всѣми его принадлежностями и устройствомъ, — почему бы не объяснять этого прихожанамъ въ своихъ проповѣдяхъ? Предметъ достойный проповѣди, и содержанія въ немъ не мало. — Въ храмъ Божіемъ все имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ: и крестообразное расположеніе его, и иконостасъ, и солея, и клиросъ, и висица, лампада, и горящая свѣча, и священныя одежды, кадильница съ ошмамомъ, жертвенникъ и престоль, дискось, звѣздца, крестъ, Евангеліе, ковчегъ, антимиссъ, и проч. Стояніе священника предъ престоломъ, стояніе его по ту или другую сторону престола, обращеніе его къ народу; свѣтыя иконы, — все имѣетъ свое значеніе, — значеніе священное, которое не должно бы оставаться неизвѣстнымъ народу, которое не можетъ надолго, надолго приковать къ себѣ вниманіе христіанина, которое можетъ его увлечь, научить, утѣшить, растрогать, — можетъ заставить его забыть все земное, всякое житей-

свое попечение, вознеси умъ его высоко, въ сообщество святыхъ, въ обители небесныя, въ престолу Господню. — Есть на чемъ остановиться вниманію благочестиваго христіанина! Немало предметовъ для размышленія и назиданія! Если бы священникъ, принимая за тему для своей проповѣди устройство храма, значеніе обрядовъ и священныхъ вещей, или содержаніе отдѣльныхъ молитвъ и пѣснопѣній, сталъ говорить объ этомъ проповѣди каждый день, объясняя въ нихъ происхожденіе, смыслъ, значеніе, важность каждой вещи, каждаго дѣйствія, каждой молитвы и пѣсни: то едва ли бы онъ успѣлъ все это объяснить въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Здѣсь не должно быть вопроса о томъ, сумѣютъ ли священники сдѣлать это. Руководствомъ имъ въ этомъ дѣлѣ послужать, кромѣ наукъ, которыя слушали они въ Семинаріи, церковной Археологіи, Литургіи и ученія о Богослужебныхъ книгахъ, Новая Скрижаль, разныя статьи въ духовныхъ журналахъ, Дни Богослуженія — Дебольскаго, Исторія пѣснопѣній и пѣснописцевъ Церковныхъ — Преподобнаго Макарія, Историческое обозрѣніе Богослужебныхъ пѣсней — Флоринскаго, о Богослужебныхъ книгахъ — Никольскаго; наконецъ Уставъ Церковный и самыя Богослужебныя книги могутъ дать нестоимый запасъ для проповѣданія и послужить надежнымъ пособіемъ въ этомъ дѣлѣ.

(Окончаніе будетъ.)